

V

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ И ПОБЕДА НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Образованию Русского национального государства при Иване III предшествовала широчайшая идеологическая подготовка, своеобразное культурное возрождение русского народа; оно началось еще с 80-х годов XIV в., вслед за Куликовской битвой. Именно вслед за победой на Куликовом поле, явившейся первым этапом свержения татаро-монгольского ига, возник тот подъем народного самосознания, который еще в конце XIV в., а особенно резко в первой половине XV в. привел к серьезному подъему творческих сил русского народа.

1

Ко второй половине XIV в. относится расцвет новгородской фресковой живописи. Наблюдение природы, которое внесли в свое искусство мозаичисты и фрескисты Византии, а вслед за ними Чимабуэ, Джотто и Дуччио в Италии, естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры в сильном движении, элементы перспективы и светотени, появление сложных повествовательных сюжетов и попытки изобразить человеческие переживания — все это характерно для новгородских фресок второй половины XIV в. — для фресок церкви Спаса Преображения, Федора Стратилата, Волотова, Рождества на Кладбище, Михайло-Сковородского монастыря, Ковалева.

То немногое, что мы знаем об искусстве Москвы второй половины XIV в., позволяет говорить об аналогичном подъеме в живописи и в этом городе. В Москве по-настоящему созрела национальная школа живописи, высшим представителем которой на рубеже XIV—XV вв. выступает гениальный русский художник Андрей Рублев. В 1405 г. А. Рублев известен уже как вполне зрелый сорокалетний мастер, расписывающий вместе со знаменитым Феофаном Греком и старцем Прохором из Городца кремлевский Благовещенский собор.¹

¹ А. Рублев умер в 1427 или 1430 г., в возрасте около 60—70 лет. Следовательно, надо считать, что он родился в 60-х—70-х годах XIV в.

Работы Рублева не стояли одиноко на рубеже XIV и XV вв. Многочисленные реставрации икон той поры, произведенные после Великой Октябрьской социалистической революции, и многочисленные новые находки икон конца XIV — начала XV вв. говорят о необычайно высоком уровне русской живописи того времени. Можно с несомненностью утверждать, что эпоха объединения русского народа вокруг Москвы была одновременно и эпохой высшего расцвета древнерусской живописи.

Слава русских художников той поры была настолько велика, что их приглашали работать далеко за пределы родины. Особенно много остатков фресок древнерусских мастеров сохранилось в Польше, где в эпоху королей Ягелла и Казимира русские иконописцы работали в Кракове, в Святокрестецком монастыре на Лысой горе, в Люблине и Гнезне.¹ Новгородские фрески частично сохранились в г. Висби на острове Готланде. Новгородских мастеров приглашали расписывать церкви Ганзейской колонии в Новгороде. Русские мастера ездили работать в Золотую Орду.

С конца XIV в. значительное движение вперед наблюдается в русской письменности. Первые признаки зарождающегося индивидуализма отличают русскую книжность так же, как живопись конца XIV — начала XV вв. В противоположность безыменности большинства литературных произведений предшествующих веков, в конце XIV — начале XV вв. впервые появляется иное отношение к авторству. Авторы житий много говорят о себе, пишут обширные предисловия, в которых рассказывают о причинах, побудивших их приняться за перо, раскрывают свои намерения, пишут о своих личных отношениях к святым, что показалось бы в предшествующие века верхом греховного самовосхваления. Изложение проникается лиризмом и субъективизмом. Индивидуалистически настроенные писатели начала XV в. (Епифаний Премудрый, Пахомий Серб) относятся с видимым интересом к внутреннему миру своих героев. Впервые, хотя еще примитивно и схематично, толкуют писатели начала XV в. о психологических переживаниях действующих лиц своих произведений, о внутреннем религиозном развитии святых. Самые картины природы, интерес к которой постепенно растет, служат образцами для изображения душевного состояния святых. Характерная для эпохи зарождающегося гуманизма любовь к слову отразилась в русских житиях этого периода обилием длинных речей, многочисленностью

¹ Н. Каринский. Русская надпись в люблинском тюремном костеле. Известия Археологической комиссии, вып. 55, Пгр., 1914; акад. А. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Спб., 1910; он же. Русские фрески в старой Польше. М., 1916; Ф. Корёга. O malarstwie bizantyskiem w Polsce. Polski Muzeum, Z. VIII, Kraków.

риторических прикрас, так называемым «плетением словес», ритмической организацией речи, введением ассонансов, внутренних рифм, свидетельствующих о высоком литературном мастерстве русских авторов.

Это высокое литературное мастерство в значительной мере поддерживалось живым культурным общением Руси с Византией и южнославянскими странами, особенно интенсивным с конца XIV в. Целый поток югославянских рукописей нахлынул на Русь во второй половине XIV в. Вместе с тем русские рукописи проникают в югославянские страны, вызывая здесь подражания. Сербский монах Доментиан подражает «Слову» митрополита русского Илариона. Общение книжное увеличивалось непосредственным общением людским. На Русь приезжают болгарские и сербские книжники (Григорий Цамблак, Киприан, Пахомий Серб), а сами русские образуют целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые переписыванием книг, вмешиваются во внутреннюю жизнь и оказывают влияние на культуру югославянских стран. Русский боярин Иван на службе у болгар в правление царя Михаила с 3 тысячами конницы чуть было не овладел Константинополем.¹ Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы из того что Константин Костенчский в своем сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим», ставит его в образец другим славянским языкам и соотносит с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский язык XIV в.²

Но самым важным явлением русской культуры конца XIV—начала XV вв. был возродившийся интерес к истории Русской земли. Вся русская культура конца XIV—начала XV вв. пронизана духом историзма, духом любви к славному прошлому своей родины. Как мы увидим ниже, темами русской истории увлечены не только русские книжники: к прошлому Руси обращаются и русская живопись и русская архитектура. Центральное место в этом возродившемся интересе к родной истории, ко временам русской независимости, к домонгольскому периоду русской истории принадлежит Москве.

В конце XIV—начале XV вв. работа московских летописцев стала важнейшим государственным делом. Ведя политику собирания Русской земли в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве Русской земли. Московские митрополиты и великие князья свозили в Москву различные областные летописи и широко пользовались ими в

¹ К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 984—986.

² И. Ягич. Исследования по русскому языку, т. I, стр. 396 и др.

своём летописании. Московская летопись из узкой, областной становилась благодаря этому общерусской, приобретала общенародный характер и невиданный ранее размах. Эта работа московских летописцев, соединивших в самом конце XIV — начале XV вв. разрозненное летописание отдельных областей, значительно опережала реальный политический рост Москвы. Характер московского летописания, по выражению крупнейшего исследователя русских летописей академика А. А. Шахматова, «свидетельствует об общерусских интересах, о единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей».¹

В самом конце XIV в. в Москве был составлен первый большой летописный свод, названный «Летописцем великим русским». По одним предположениям (А. А. Шахматов), «Летописец» этот возник в 1396 г., по другим (М. Д. Приселков) — в 1389 г.² Попытки выйти за пределы узко московских интересов еще очень слабо ощущаются в этом своде. Однако чрезвычайно серьезным новшеством, наложившим резкий отпечаток на всё последующее московское летописание, было то, что в начало этого свода была включена «Повесть временных лет». «Повесть временных лет» была тем произведением древнерусской исторической мысли времени Владимира Мономаха, которое живо хранило идейные традиции литературы домонгольской Руси, сознание единства княжеского рода и Русской земли. Отсюда московские летописцы могли заимствовать идею служения князя народу, свободную критику действий князей, идею обороны Русской земли от кочевников соединенными усилиями русских княжеств. Именно с момента включения «Повести временных лет» в качестве составной, вступительной части в московские летописи мы видим в них не безразличное к политическому смыслу происходящего наименование татар половцами, татарской степи — половецкой, и, наоборот, половцев и печенегов — татарами; очевидно, что «Повесть временных лет» не только переписывалась в это время, но и усиленно читалась, и события, изображенные в ней, применялись в определенном смысле к событиям современности. Призывы «Повести временных лет» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами. И летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости.

Первый общерусский свод, по-настоящему поднявшийся над узкими местными интересами — тверскими, московскими, суз-

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. Журнал Мин. нар. просв., 1900, т. IX, стр. 91.

² М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 113 и сл.

дальско-нижегородскими, ростовскими, рязанскими, новгородскими — и осветивший русскую историю с точки зрения единства Русской земли, был составлен в Москве в 1408 г.¹ Инициатива составления этого свода принадлежала митрополиту Киприану. Он превратил Москву в религиозный центр всей Руси и фактически подчинил московской митрополитии церковные организации отдельных русских областей, в том числе и тех, которые входили еще в состав Литвы. В самые последние годы своей жизни Киприан собрал с различных концов Руси местные летописи, действуя в этом отношении через подчиненную ему церковную организацию. К своду были привлечены новгородская летопись, рязанская — княжеская, суздальская, тверская, некоторые местные московские летописи (например серпуховская) и предшествовавший московский «Летописец великий русский». Кроме того, в свод Киприана впервые были включены известия по истории Литвы, так как и в Литве находились русские земли, на которые претендовала Москва. Составленная таким образом летопись (окончание работы над нею относится уже ко времени после смерти Киприана) известна под названием Троицкой. Летопись эта сгорела во время московского пожара 1812 г., выдержки из нее сохранились в приложениях к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Существенным моментом в Киприановской летописи явился ее учительный, публицистико-назидательный характер по отношению к московским великим князьям.

Следующий за Киприановским сводом свод Фотия не только удержал, но и развил именно эту учительную по отношению к московскому великому князю тенденцию. Критическое отношение к московскому великому князю за недостаточно решительные, по мнению летописца, действия против Орды составляло отныне одну из самых «боевых» сторон московской летописи. Она ориентировалась на «Повесть временных лет», на возрожденные традиции киевского летописания.

Свод Фотия отразил в своем составе всё летописное богатство древней Руси. Он соединил в себе в обширных извлечениях летописи тверскую, новгородскую, ростовскую, ярославскую, нижегородскую и т. д. Эти местные летописи не были здесь обезличены: они сохранили, иногда в неизменном виде, местные симпатии и политические устремления. Свод Фотия стремится вести историческое повествование беспристрастно и объективно. Сглаживается изложение борьбы Москвы с соперничающими центрами, опускаются некоторые узко московские известия, сведения семейно-княжеского характера и т. д. Изъятию подверглись пренебрежительные выпады против новгородцев, тверичей, суздальцев. Такая переработка летописных известий, не-

¹ Датировка М. Д. Приселкова (там же, стр. 128 и сл.).

сомненно, была вызвана тем, что в своей борьбе с областными центробежными силами Москва стремилась опереться на местное демократическое население, была заинтересована в прекращении областной вражды и ощущала себя носителем идеи единства Руси.

Решительной новостью со времени «Повести временных лет» явилось использование в своде народных эпических преданий о богатырях Владимирова цикла и о гибели богатырей на Калке. В летописи рассказывалось о богатырском подвиге Демьяна Куденевича, о Рагдае Удалом, который один выходил на триста воинов, об Александре Поповиче и слуге его Торопе. Упоминались и многие другие богатыри, как, например, Добрыня Рязанич Златой Пояс, Андриан Добрянкович Храбрый, Ян Усмошвец, одержавший победу над половцами вместе с Александром Поповичем, и др.¹ Москва явно стремилась придать летописанию общенародный характер.

Соединение в единую летопись разрозненных летописей множества разобщенных областей свидетельствует о вполне созревшей уже мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережным использованием местной литературы, местных, иногда демократических тенденций и не диктовала еще, как позднее, сурового сокращения и цензурирования местных памятников. Наоборот, московская летопись в эти годы явно начинала занимать все более и более демократическую позицию, выдвигая роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде повесть о Тохтамышше.² В предшествующем летописном своде главная роль в защите Москвы от войск Тохтамыша принадлежит внуку Ольгерда Остею,³ заменившему ушедшего в Кострому великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломила, якобы, сопротивление Москвы. В новой редакции этой повести о Тохтамышше в своде Фотия с особым вниманием рассказывается о московских купцах-гостях — «сурожданах» суконниках и др. Они названы поборниками земли Русской; против них, главным образом, направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамыша, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введен новый рассказ о подвиге суконника Адама, который, заметив с Фроловских (Спасских) ворот кремля важ-

¹ См. об этом подробно: А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. Журнал Мин. нар. просв., 1901, т. XI, стр. 73—77.

² Характер этой перемены вскрыт В. Л. Комаровичем в главе «Московские летописи» II тома академической «Истории русской литературы». М. — Л., 1945.

³ См.: Летописец Рогожский. Полное Собрание русских летописей [ПСРЛ], т. XV, изд. 2, вып. 1, 1922, стр. 144 и сл.; Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, 1913, стр. 131 и сл.

ного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышу удалось лишь при помощи измены в русском стане и ложными, вероломными обещаниями.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трех знатнейших татарских вельмож.

Таким образом, идея единства Руси вошла в московские летописные своды вместе с демократическими тенденциями. Действия великого князя московского обсуждаются в них с точки зрения соответствия их задачам общенародной политики. В этом последнем отношении чрезвычайно показательна неясная по своему происхождению, возможно составленная в Твери, пространная и витиеватая повесть о походе на Москву татарского хана Эдигея (1408). Повесть резко заострена против политики московского великого князя, пригласившего к себе на помощь татар и приютившего «ляха» Свидригайло. Когда пограничные отряды Эдигея пришли, чтобы помочь русским против Витовта, «старцы же сего не похвалиша, глаголюще: „Добра ли се будеть дума юных наших бояр, иже приведоша половець на помощь?“». ¹ Летописец осуждает князей, которые навоят на Русь половцев-татар.

Но особенному осуждению подвергся в летописи великий князь Василий Дмитриевич за то, что отдал Свидригайлу, «ляху верою», кафедральный город митрополита всея Руси — Владимир. В повесть вставлена похвальная характеристика города Владимира как стола Русской земли, «мати градом» русским, города пречистой богоматери, в котором «князи велиции Руссии первоседание и стол земли Русския приемлють». ²

Резкому осуждению подвергнуты в повести и нерешительные действия русских войск. По поводу оставления великим князем Москвы вставлена цитата из псалма, не оставляющая никаких сомнений в цели ее применения: «добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя». ³

Замечательно, что, желая оправдать свою резкую критику действий князя, летописец под конец повести ссылается на «начального летословца Киевского», который «временна богатства земская не обинуяся показуеть», и на великого Селивестра (одного из редакторов «Повести временных лет»), «не украшая пишущего». Ссылается летописец и на первых властодержцев русских, повелевавших без гнева «вся добрая и недоб-

¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, стр. 156.

² Там же, стр. 157.

³ Там же, стр. 158.

рая прилучившаяся написовати». ¹ Эта небольшая приписка к повести об Эдигее, полной укоров и обличений, лучше всего показывает, какого широкого взгляда держался московский летописец на свою работу, какая острота политического обличения влагалась им в летописные своды начала XV в., и каким авторитетом пользовалась «Повесть временных лет». Со времени ее написания работа исторической мысли еще не была так интенсивна, как в этот период. Никогда еще работе летописцев и историческим концепциям не придавалось такого исключительного значения — значения государственной важности.

Общепризнанный господствующий характер обращения после Куликовской битвы (1380) к временам независимости, к Киеву, к «Повести временных лет», к Владимиру как к городу, овеянному воспоминаниями, связанными с эпохой независимости Руси, ярко выступает не только в книжности. Сопоставление летописной работы начала XV в. с тем, что происходило в это время в области живописи и архитектуры, ярче всего демонстрирует, какого грандиозного размаха достигли в начале XV в. восстановительные тенденции. Конец XIV — начало XV вв. могут рассматриваться как эпоха возрождения, связанного с особым интересом к родной истории и к памятникам прошлого. Резкий перелом в области московского искусства наступил именно в княжение Дмитрия Донского. Архитектурные формы постепенно обнаруживали стремление к внешнему блеску, к пышности и богатству, как бы отражающим общий подъем народного самосознания после первых побед над татарами. С княжения Дмитрия Донского впервые в русской истории началась реставрация памятников, связанных с воспоминаниями об эпохе независимости Руси. Очевидно, что именно в княжение Дмитрия Донского Успенский собор во Владимире (1158) капитально ремонтировался и стал княжеским собором. Реставрационные работы особенно усилились в начале XV в. В 1403 г. обновлялся собор 1152 г. в Переяславле Залесском. В 1408 г. знаменитый русский живописец Андрей Рублев восстановил по приказанию московского великого князя древнюю домонгольскую живопись Успенского собора во Владимире. ² Реставрационные работы над памятниками домонгольской поры велись в Ростове, в Твери, в Звенигороде и т. д. Полоса этих реставраций тянулась вплоть до Ивана III, когда итальянский зодчий Аристотель Фиораванти построил центральную святыню нового русского государства — Успенский собор московского кремля, по образцу владимирского Успенского собора 1158 г.

¹ Там же, стр. 159.

² Проф. Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское наследие в русском зодчестве. Архитектура СССР, 1940, № 2; И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, вып. 1, стр. 65 и сл.; О росписях Успенского собора во Владимире, там же, стр. 22—33.

Тот же интерес к произведениям домонгольского периода характеризует и русскую книжность. Составлялись новые и вновь редактировались старые переводы произведений, известных еще с XI—XII вв.; во множестве создавались новые исторические сказания и повести, главным образом касающиеся борьбы с татарами. В течение всего XV в. мы встречаем усиленное подражание литературным произведениям эпохи независимости.

Это обращение во всех областях культурной жизни Руси конца XIV — начала XV вв. ко временам независимости вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига. Читая и перечитывая «Слово о полку Игореве», как перечитывались в конце XIV в. «Повесть временных лет», «Киево-Печерский патерик», «Сказания о рязанском разорении», подвергшиеся в это время существенным переделкам, древнерусский книжник усмотрел в событиях «Слова» начало татаро-монгольского ига. Немалую роль в этом имело самое отождествление половцев и татар, типичное для московских летописных сводов.¹

Такой взгляд на «Слово о полку Игореве», как на произведение о начале татаро-монгольского ига, побудил вскоре же после Куликовской победы противопоставить ему произведение о конце татаро-монгольского ига. Таким своеобразным «ответом» на «Слово о полку Игореве» явилась «Задонщина».

Автор «Задонщины» имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — «Слова о полку Игореве», не простое подражание его стилю (как это обычно считается), а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине».

Чтобы пояснить читателю эту идею, автор «Задонщины» предпослал ей предисловие, составленное в эпически-былинных тонах. На пиру у воеводы Микулы Васильевича великий князь Дмитрий Иванович обращается к «братии милой» с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на

¹ Ср., например, в Симеоновской летописи, где татары названы половцами под 1378 г., а татарская степь — половецкой под 1380 г. и т. д. Ср. также Летописец Переяславля Суздальского, где печенеги и половцы неоднократно называются татарами. Очевидно, «Повесть временных лет» воспринималась современниками Донской битвы в сопоставлении с событиями этой современности. История Руси представлялась историей непрекращающихся войн со степными народами, войн за независимость.

славный Днепр «и оттоле на восточную страну, жребий [удел] Симов», от которого родились татары: «те бо на реце на Каяле одолеша род Афетов [русских], оттоле Русская земля сидит невесела, от Калатьския [Каяльская] рати до Мамаева побоища туюю и печалию покрываша, плачушися, чады своя поминаючи». «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, возверзем печаль на восточную страну, в Симов жребий» [т. е. на татар], — приглашает автор «Задонщины» в начале своего произведения.

Дальнейшее описание событий битвы на Дону имеет в виду именно это — «возвеселить Русскую землю», «ввергнуть печаль» на страну татар.

В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск: волки сулят грозу по оврагом, орлы клёкотом зовут зверей на кости русских, лисицы лают на щиты русских. В «Задонщине» те же зловещие знаменья сопутствуют походу татарского войска: грядущая гибель татар заставляет птиц летать под облака, часто граять воронов, говорить свою речь галок, клекотать орлов, грозно выть волков и брехать лисиц.

В «Слове» — «дети бесови [половцы] кликом поля перегородиша»; в «Задонщине» — «русские же сынове широкие поля кликом огородиша». В «Слове» — «чръна земля под копыты» была посеяна костями русских; в «Задонщине» — «черна земля под копыты костями татарскими» была посеяна. В «Слове» — кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» «по Русской земли»; в «Задонщине» — «уже бо восстона земля татарская, бедами и туюю покрываша». В «Слове» — «тоска разлилася по Русской земли»; в «Задонщине» — «уже по Русской земле простреся веселие и буйство».

В «Слове» — «а погани с всех стран прихождаху с победами на землю Русскую»; в «Задонщине» же сказано о татарах: «уныша бо царей их веселие и похвала на Русскую землю ходити». В «Слове» — готские красные девы звенят русским золотом; в «Задонщине» — русские жены «восплескаша татарским златом». «Туга», разошедшаяся в «Слове» после поражения Игоря по всей Русской земле, сходит с нее в «Задонщине» после победы Дмитрия. То, что началось в «Слове», кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на Русскую землю, в «Задонщине» обратилось на ее врагов.

Итак, начало того исторического периода, с которого Русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Севърского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце этой эпохи «туги и печали», о начале которой повествует «Слово о полку Игореве». Отсюда преднамеренное противопоставление в «Задонщине» конца — началу, битвы на Дону — битве на Каяле, по-

беды — поражению, и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами. Отсюда внешнее сходство произведений, проистекающее из исторических воззрений автора «Задонщины», типичных для своего времени. Обращение к стилю «Слова о полку Игореве» входит, следовательно, в самый замысел «Задонщины», как идеологическое освещение тех событий, начало которых автор «Задонщины» видел в битве на Каяле — Калке, а конец — в битве на Дону. Таким образом, стилистическая близость «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» не является результатом творческого бессилия автора «Задонщины» — это вполне сознательный прием: на фоне стилистического единства «Слова» и «Задонщины» ярче и острее должно было казаться самое противопоставление двух событий — прошлого и настоящего.

Куликовская битва рассматривается, следовательно, в «Задонщине» как реванш за поражение, понесенное войсками Игоря Святославича на реке Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с рекой Калкой, поражение русских на которой в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами.

Эта идея реванша, как и самая идея обращения ко временам независимости Руси, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, русские былины, где эти же идеи сказались в полной мере.

Есть основание полагать, что сложение русского былевого эпоса в единый киевский цикл произошло не позднее середины XV в. Хотя главные сюжеты былинных песен о князе Владимире относятся еще к домонгольским временам (например сюжеты, связанные с Добрыней, исторически засвидетельствованные «Повестью временных лет»), однако присоединение к ним сказаний рязанских, тверских, муромских, ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое государство. В то же время создание этого цикла явно не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве, так как новгородские былины составили особый цикл, вернее они не вошли ни в какой цикл: новгородские былины остались без того объединяющего лица, которое получили былины киевские, ростовские, рязанские, московские, сгруппировавшиеся вокруг «старого Владимира» «Красного Солнышка». Следовательно, сложение киевского цикла не могло произойти и позднее 1479 г. — года воссоединения Новгорода и Москвы.

Косвенное указание на время расцвета русского былевого эпоса и создания киевского цикла былиных дают московские летописные своды XV в., в которые были включены отражения различных былинных сюжетов. В частности, чрезвычайно показательны отражения в московских летописных сводах сюжетов,

героем которых был ростовский богатырь Александр (Алёша) Попович.

Первоначально Александр Попович, поскольку это выясняет анализ летописных сюжетов с его участием, — один из «храбров» Всеволода Большое Гнездо. Александр — житель Ростова, со смертью Всеволода он переходит на службу к его сыну Константину. Боевые подвиги Александра связаны с борьбой за наследство Всеволода между его сыновьями.

Он — главный герой Липецкой битвы. Сказания о нем, сложившиеся до XIV в., тесно связывают его имя с урочищами Ростова. Эти сказания, повидимому, первоначально распространялись только в Ростово-Суздальской земле. С ослаблением центроробежных областнических, узко местных тенденций в конце XIV — начале XV вв., с ростом сознания общерусского единства Александр Попович теряет черты местного ростовского героя и становится героем общерусским. Параллельно реальному политическому объединению русских земель создаются произведения, объединяющие русских богатырей, начинающих служить общерусским интересам. Создается сюжет об отъезде Александра Поповича из Ростова во главе других русских храбров, отказывающихся от служения местным князьям. Александр Попович и все русские князья приезжают в Киев — мать городов русских — и служат «единому» русскому князю Мстиславу Романовичу, а затем гибнут в Калкской битве. В летописном своде Фотия (1418 или 1423), в известии о смерти в битве на Калке Александра Поповича и «инех» 70 храбрых можно видеть древнейшее отражение в средневековой письменности эпического сюжета о гибели богатырей. Это один из древнейших этапов сложения былин в единый цикл, один из основных и первоначальных сюжетов, рисующих объединение богатырей (объединение, правда, перед лицом смерти, объединение в гибели за общерусское дело).

Недовольство княжеской властью в конце XIV и начале XV вв. (эпоха усобиц) нашло отражение в летописи в резко отрицательном изображении киевского князя Мстислава Романовича (см. так называемый Тверской сборник). Однако рост политического значения княжеской власти в XIV и XV вв., выдающаяся роль московских великих князей в политическом объединении Руси приводят к переосмыслению роли и личности князя в былинных сюжетах. Соответственно этому уже во второй половине XV в. в былинных сюжетах об Александре Поповиче место ничтожного князя Мстислава Романовича занимает идеализированный русской летописью, книжностью и народом в целом — Владимир Мономах, собиратель русских богатырей и официальный родоначальник московских великих князей, собирателей Русской земли. Александр Попович на службе у

Владимира Мономаха удачно обороняет Киев от половцев (Никоновская летопись под 1103 г.).

Последний этап создания сюжетов об Александре Поповиче, засвидетельствованный летописью для первой половины XVI в., застаёт Александра Поповича при главной притягательной силе Киевской Руси — Владимире I Святославиче, совместно с другими русскими богатырями защищающим Киев от печенегов. К 1550-м годам (время составления Никоновской летописи) этот цикл развития былинных сюжетов об Александре Поповиче может считаться завершённым.

Таким образом, исторические предания об Александре Поповиче и по характеру своей распространённости и по характеру своих сюжетов развиваются от узко местного эпоса к общерусскому. Местные сказания, приуроченные к определённым ростовским урочищам, превращаются в общерусские героические сюжеты с весьма обобщённым содержанием. Развитие былинных сюжетов об Александре Поповиче идёт параллельно развитию и росту общенародного самосознания. Это положение справедливо и для истории ряда других былинных сюжетов. История сюжетосложения былин об Александре Поповиче наглядно убеждает в том, что процесс циклизации былинных сюжетов вокруг Киева и Владимира «Красное Солнышко» отнюдь не являлся механическим процессом, подчинённым бессознательным законам народной памяти.

Историческая школа в изучении былин (Вс. Миллер, М. Халанский, Н. Дашкевич, А. Лобода, А. Марков, Б. Соколов и др.) ставила себе целью связать русские былины с подлинными историческими фактами, с определёнными историческими лицами. Вся последующая история былинных сюжетов, в том числе и циклизация их вокруг Киева, рассматривалась исторической школой, как постепенное обесценивание и затухание памяти об этом историческом ядре — историческом факте, легшем в основу былины.

Анализ исторического развития былинных сюжетов, поскольку оно отразилось в летописи, позволяет говорить об обратном: не о ниспадающей линии развития эпоса, а о восходящей. Возникнув на основе местного исторического припоминания, сюжет героического эпоса постепенно поднимается до обобщающих представлений об исторических судьбах родины и выходит за пределы своей местности, становясь достоянием всего народа. Это объясняется в первую очередь тем, что развитие эпоса самым тесным образом связано с историческими воззрениями народа. Эта мысль была в своё время отчетливо выражена таким непревзойденным знатоком русского эпоса и древней русской письменности, как Ф. Буслаев: «... русский народный эпос служит для народа неписанною традиционной летописью, переданной из поколения в поколение в течение столетий. Это

не только поэтическое воссоздание жизни, но и выражение исторического самосознания народа». ¹

Таким образом, историческая концепция русского эпоса отнюдь не случайна: ее создание диктовалось исторической необходимостью; она представляла собой живой отклик народа, активно воспринимавшего события своего времени, на судьбы родины. Исторический эпос — «исторический не в том смысле, что в нем выведены действительные исторические лица, а в том, что в формах прошлого он выразил народное настроение настоящего». ²

История сюжетосложения былин — история постепенного вхождения их в киевский цикл. Она наглядно показывает, что в киевском цикле отразилась прежде всего идея единства Руси, идея единства русского народа. И князь Владимир и Киев, в котором собираются все местные русские богатыри, являются в нем символами русского единства и русской независимости. На службе у князя Владимира русские богатыри, Илья Муромец, Добрыня Рязанич, ростовский житель Александр Попович и др., обороняют Русскую землю от степных кочевников, стоят на пограничной заставе, зорко всматриваясь в степную даль, и неизменно одерживают победы над врагами Руси.

Объединение местных областных сказаний в единый киевский цикл вокруг князя Владимира совершилось в былинах на почве того же культа Киева и его князя Владимира, который заставлял москвичей на рубеже XIV и XV вв. восстанавливать домонгольские здания, реставрировать домонгольскую живопись, подновлять и давать новые редакции произведениям Киевской Руси, возводить генеалогию московских князей к «старому Владимиру» и т. д. Объединение русских былин в киевский цикл было, следовательно, вполне аналогично объединению областных летописей в грандиозных московских летописных сводах с киевской «Повестью временных лет» во главе. Культ Киева и его князя Владимира был культом национальной независимости и в русской книжности и в фольклоре. Подобно тому как «Задонщина» была вся проникнута идеей реванша и мести за нанесенные русским поражения, русские былины, воспевавшие неизменные победы русских богатырей над татарами, жили той же идеей мести и реванша. Смещение половцев и татар, как общих врагов Руси, в книжности и фольклоре далеко не случайно: и книжность и фольклор жили в основном единой мыслью в эпоху объединения русских областей и борьбы с татаро-монгольским игом.

¹ Ф. Буслев. Рецензия на работу О. Миллера «Илья Муромец и богатырство Киевское». Журнал Мин. нар. просв., 1871, № 4, стр. 217.

² А. Н. Веселовский. Из введения в историческую поэтику. Собр. соч., т. I, стр. 36—37.